

Наталья Торик

СЛУЧАЙНОЕ НЕБО

(life-book)

Наталья Торик
Случайное небо. (life-book)

«Издательские решения»

Торик Н.

Случайное небо. (life-book) / Н. Торик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850392-4

«Случайное небо» — это два десятка полетов и историй self-made woman. Переворачивая страницу, ты будто бы разворачиваешь фантик «Взлетной», внутри которого оказывается новый рассказ. Впрочем, история любви в книге Натальи Торик не только про мужчин. Она еще и про город, который никогда не спит, про поколение, взрослевшее в момент, когда одна страна умерла, а другая только появилась, и невероятное желание летать, оказавшееся сильнее всех неблагоприятных условий и жизненных турбулентностей.

ISBN 978-5-44-850392-4

© Торик Н.
© Издательские решения

Содержание

Москва – Казань. Родом из детства	7
Москва – Сочи. Кислородная маска	10
Москва – Копенгаген. Небожитель	12
Москва – Сплит. Море внутри	17
Москва – Новосибирск. Небесные связи	19
Москва – Хабаровск. Какая глупая игра – любить неведомо кого...	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Случайное небо (life-book)

Наталья Торик

*Все хотят быть любимыми,
но никто не хочет любить.*

Олег Павлов «Асистолия»

С благодарностью к Учителю

© Наталья Торик, 2017

ISBN 978-5-4485-0392-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Замечали, что жизнь меняется и становится сильно интереснее, когда начинаешь спрашивать и слушать малознакомых или вовсе незнакомых людей – на улицах, в ресторане, на встречах, в компании? Мы живем рядом с людьми – и ничего о них не знаем, да и о себе знаем не так уж много. Все бежим, бежим, не оглядываясь вокруг и не заглядывая внутрь себя.

Мне тридцать шесть. Первый муж – «красавец и умница», с ученой степенью по теме литературного творчества Флобера – оказался героиновым наркоманом, промышлял дилерством среди студентов. В девятнадцать лет я сменила статус на «студентку-мать-одиночку», но уже через пару лет меня начали называть «молодым предпринимателем». Сейчас у меня третий любимый муж, на визитке – длинная надпись с иностранными терминами, и немалую часть жизни я провожу «на небесах».

Самолет мчится со скоростью 900 километров в час, но время как будто останавливается. В замкнутом пространстве, где от тебя ничего не зависит, есть несколько часов на диалог с собой – или на разговор с незнакомцами, с которыми свела тебя случайная выборка или, быть может, судьба. Полет – как маленькая жизнь. Не исключено, что мы не долетим до пункта назначения: знаем это – и все же рискуем, думаем, что ничего не случится, что у нас еще все впереди; статистическая погрешность в общем позитиве успешных посадок нас не коснется; но при каждой тряске вспоминаем обо всем, что осталось недоделанным и недосказанным.

Последние три года я много живу. Началось это после очередной такой самолетной тряски, получившей в официальных новостях статус аварийной посадки. До меня вдруг дошло как-то неожиданно: а что, если я сейчас просто прекращу быть? За считанные секунды я представила, так ясно и четко, что в любой момент все это может закончиться. Перестану сознавать себя, не буду знать, где мои дети и что с ними, не будет запахов, вкусов, мыслей... Эти несколько секунд очень взбудрили: после этого я начала как-то по-особенному ценить время. Интересно, что эффективность работы не ушла, но теперь я еще больше читаю, гуляю, путешествую, занимаюсь любовью. Стала чаще задаваться вопросами: чем я сейчас занята? Кто рядом со мной? Действительно те, на кого я хочу тратить самое драгоценное, что у меня есть, – время?

Пережитое не изменило мой летный график; но я перестала смотреть в самолетах фильмы и сны. Небесные знакомства стали отдельной важной частью моей жизни. Иногда я погружаюсь в судьбу попутчиков, иногда – в свою собственную. Даже не знаю, что увлекательнее...

Москва – Казань. Родом из детства

Когда лечу бизнес-классом, еще в vip-зале пытаюсь угадать, кто станет на этот раз моим попутчиком. Молодые амбициозные командировочные, явно перебравшие со спиртным? Чья-то жена с трехлетним сыном? Иностранцы, в моей коммуникативной игре приравненные к инопланетянам? Директор фирмы с длинноногой девицей, наверняка совмещающей функционал маркетолога и любовницы? Уставший от жизни бывший чиновник, заработавший себе на пожизненный бизнес-класс?..

Но вот мы и в самолете. Стюардесса уже продемонстрировала правила безопасности, тучный олигарх средней руки, сидящий через проход, успел громко всхрипнуть – а место рядом со мной по-прежнему пустовало. Я отвернулась к окну и стала рассматривать дефекты фюзеляжа, когда боковым зрением уловила роскошную шапку русых волос и неестественно белозубую улыбку, адресованную стюардессе. Плавно перевела взгляд.

По проходу ко мне приближалось нечто поражающее своей безупречностью. Помимо ухоженных волос и зубов – белоснежная рубашка, багряный галстук, черный приталенный костюм. Кричаще острые стрелки на брюках, орудие дорогие ботинки. Часы и запонки – бренды со столетней историей. Ну и, конечно, в руке iPhone последней модели, которую только неделю назад презентовали в Америке наследники Стива Джобса. Весь какой-то... миниатюрный. Словно мастерски выполненная моделька «роллс-ройса». Идеальные пропорции, полный комплект мельчайших деталей: можно мечтать о прототипе, изучать особенности конструкции – только ездить на нем нельзя. Вот первое, что пришло мне на ум при виде нового пассажира на борту. «Пройдет мимо или сядет? Пройдет или сядет?» – все быстрее крутилось у меня в голове.

– Добрый вечер, – несколько высокомерно кивнул мне новый пассажир и принялся укладывать свой портфель на верхнюю полку. Затем аккуратно приземлился в соседнее кресло и уткнулся в свой гаджет. Мне почему-то захотелось взъерошить его идеальную копну волос.

Затренировал телефон.

– Я слушаю. Нет, это окончательное решение. Кредитного комитета не будет. Спасибо.

Другой абонент.

– Диана, будьте любезны, пришлите мне на почту список оперативных задач и отчеты всех департаментов. Поработаю в машине, по дороге из аэропорта.

Предусмотрительно переключив телефон в беззвучный режим, он переходил от одного абонента к другому. Смесь русского с терминологическим английским выдавала какой-то западный МВА. В переговорах, видимо, гибрид акулы с пираньей... Стюардесса, уже в четвертый раз делавшая ему замечание жестами, наконец подошла и дождалась, пока он выключит гаджет. Но только отвернулась – он опять включил телефон и уже сам набрал номер. На экране высветилось яркое фото стройной блондинки в стандартной откровенной позе.

– Привет, мой котик! Извини, разговаривал по работе, не мог раньше перезвонить. Мы взлетаем. Я все оставил водителю. Он уже едет к тебе...

Повернулся ко мне, зачем-то извинился – и еще около минуты приглушенным голосом что-то бормотал в трубку. Меня поразил его изменившийся тон: доселе уверенный в себе альфа-самец теперь, казалось, превратился в перепуганного мальчишку.

Он выключил телефон, ослабил узел галстука и повернулся ко мне. Не только голос изменился в его образе: лицо стало белым, под цвет рубашки.

– Может, вина выпьем? – проговорил он.

И тут я увидела его глаза. Странно, что только сейчас обратила внимание. Обычно это первое, на что я смотрю, оценивая мужчину. Что-то в них не так. Красивые, с длинными ресницами, но какие-то тусклые и покрасневшие. И как-то чаще, чем положено, он ими моргает.

– Не вижу препятствий, – согласилась я.

– Как вас зовут?

А в самом деле, как меня зовут?.. Больше всего на свете люблю, когда меня называют «малыш». Но мало кто себе такое позволяет. Точнее, лишь один человек – брат. Единственный родной старший брат. Мне тридцать шесть, а я для него по-прежнему «малыш», пусть и лишь тогда, когда он немного пьян и особенно чувствителен. Сейчас эти пять букв чаще приходят ко мне в СМС. И пусть мы в разных часовых поясах – несвоевременными эти послания не бывают.

А ведь это брат дал мне имя. Говорят, имя – судьба. Родители выбрали для меня судьбу Ольги. «Святой», если верить переводу с древнескандинавского. И быть бы мне святой, если бы не брат. Хотя ни одна Ольга в моем окружении почему-то не соответствует значению своего имени. Кстати, у второй жены брата имя то же, что у меня. Совпадение? А бывают ли в этом мире совпадения? У нас с ним разные отцы, может, из-за этого мы как-то по-особенному близки. Он чуть больше, чем положено брату, ревнует меня ко всем мужчинам – а я, если честно, не люблю, когда он приезжает ко мне не один.

Имя мое все называют по-разному – быть может, поэтому кажется, что я прожила уже несколько разных жизней? Имя уж точно не редкое, но мне удается классифицировать отношение ко мне людей по тому, как они меня называют. Иной раз меняется лишь одна буква, но между именами – и людьми, которые их произносят, – пропасть.

Для мамы и папы я – Натка. Их Натка. Это имя мне так дорого, что категорически запрещаю его транзитным мужчинам. Когда мне было шестнадцать, узнала, что у папы до мамы была еще жена, ее звали Натальей. Быть может, поэтому он прислал маме в роддом открытку: «Поздравляю с Олечкой». И ни разу потом Натальей меня не назвал.

Мой первый мужчина (это тогда он казался мне мужчиной, потому что был на девять лет старше. Теперь-то понимаю, какой он был мальчишка в свои двадцать шесть!) ... Так вот: первый мужчина называл меня Натусей. Почему-то только он и только так. Никто больше не повторил этого имени, которое он дал мне, как и первую, незабываемую, самозабвенно-чувственную, самоубийственную любовь.

Второй муж – это «Наташуля». Поначалу уменьшительно-ласкательное словечко влюбленного мужчины, с годами оно приобрело какой-то тухлый призывок вечной виноватости.

От ироничного «Натик» странного поклонника Антона у меня уже пять лет улыбка до ушей.

С теми, кто решает окликать меня «Натали», как-то исторически не складывается. Стоит человеку при первом знакомстве назвать меня «Натали» – предчувствую недоброе и расстраиваюсь. А ведь пока он мне симпатичен, хочется узнать его поближе – но... пророчество уже произнесено.

Про «Наталья Юрьевна» и вспоминать не хочу. Может, оттого, как рано и как часто я Наталья Юрьевна, мне так дороги «малыш» брата и «Тася» – странная, дурацкая, нигде не встречающаяся, но какая-то до мурашек умильная и уже родная форма моего имени, которую придумал два года назад ОН.

Все это – мои имена. То, что я для них. А кто я сама для себя?

– Наташа. Я Наташа. Приятно познакомиться! – протянула я руку попутчику.

После двух бутылок вина, двухчасового рассказа о двух браках и женщинах-стервах («Ну вот не везет мне с бабами, и все тут!») мы наконец дошли до сути... Мальчик, как говорится, сам себя воспитывал. Единственный сын очень занятых родителей. В детстве папа с мамой оставляли его в детском саду на пятидневку. Помните, что это? Ребенок живет в детском саду всю неделю, а на выходные родители забирают его домой. Все бы вроде ничего. Раньше многие так делали – типа, время было такое, крутились как могли... Вот только детский сад у мальчика был прямо напротив дома. И каждый день он смотрел из окна, как папа и мама приходят домой и включают в квартире свет.

С тех пор и доказывает всем, что он молодец, хороший мальчик и его можно забрать домой...

Мы вышли из самолета, обнялись у трапа, душевно так. И оба знали, что дело не в двух бутылках «Пти Шабли», а в нескольких каплях животворящего человеческого тепла. Я взъерошила ему голову и послала воздушный поцелуй. Рефлекторно, чуть суетливо он пригладил волосы, включил телефон и быстро, уверенно зашагал прочь – а я смотрела ему вслед.

И, выйдя из аэропорта, скинула старшему сыну СМС о том, что он у меня самый лучший и я его очень люблю.

С тринадцати лет сын живет за 4500 километров от меня. Но это уже совсем другая история...

Москва – Сочи. Кислородная маска

«В случае разгерметизации салона возьмите кислородную маску и плотно прижмите ее к лицу. Если вы путешествуете с детьми, сначала обеспечьте кислородом себя, потом ребенка». В стандартной фразе предполетного инструктажа заключена важная жизненная мудрость. Пока не восстановишь свою жизнеспособность – не сможешь помочь выжить ребенку. Быть может, поэтому я бросала своих мужей? Если мама задыхается, ребенок вряд ли сможет выжить в разреженном воздухе «брака ради детей». Даже в лучшем случае это будет не жизнь, а выживание...

Первый мой брак был сплошной гипоксией. Сначала не хватало легких, чтобы вдохнуть весь открывшийся мне взрослый мир, – а потом стало попросту нечем дышать.

Спустя семнадцать лет бури утихли, обиды забылись, а любовь... точнее, воспоминания о любви – во что превратились они?

Когда-то мне так хотелось стать женой. Его женой. Хотя, строго говоря, жена у него уже была. А мне было восемнадцать – сущий ребенок! – но казалось, что уже женщина. Первый курс филфака. Из соседней аудитории вбегает однокурсница и с придыханием сообщает: «Видели нашего нового преподавателя зарубежки? Та-а-акой красивый!» Не обратив на эти слова особого внимания, я вошла в аудиторию – и увидела его.

– Здравствуйте. Меня зовут Олег Геннадиевич. Ближайший семестр мы с вами будем встречаться два раза в неделю...

Память по-странному избирательна. Совсем не помню, что было до того, как он, провожая меня домой, остановился перед лужей и сказал:

– Посмотри, это же водопад. Видишь? Как здорово было бы оказаться сейчас по ту его сторону, смотреть на мир сквозь пелену воды...

Он и вправду был красив. Густые черные волосы, карие глаза, широкие плечи, идеальное тело. Напоминал мне тогда – да и сейчас – молодого Алена Делона. Внешность его не соответствовала модным стандартам красоты, и от этого казалось: он живет как-то вне времени. В квартире у него... Да-да, у него была своя квартира! Так необычно, так по-взрослому. Особенно для меня: в гостях я бывала редко, а ночевать к друзьям мама меня и вовсе не отпускала. Так вот: в квартире у него было чудесно. Много-много книг. Наверное, с той самой поры мне так нравится окружать себя стопками книг, хотя все вокруг давным-давно оцифровано. Диван – самый мягкий, самый уютный в мире. Странная бабушкина этажерка – антиквариат, произведение искусства; рабочий стол с первым в моей жизни компьютером – уголок счастья. Ему двадцать семь; он – самый молодой кандидат наук на кафедре, подающий надежды молодой специалист. Преподает историю зарубежной литературы на третьем курсе романо-германской филологии, в потоке из ста двадцати девушек, и у нас на первом.

Поцеловались мы только через месяц внеклассных занятий и веселых разговоров обо всем на свете. Я, как говорится, в рот ему смотрела. Да и как было не смотреть? От него всегда хотелось больше и больше. Вместе спать, вместе жить. Навсегда вместе. Он меня держал на расстоянии – переживал расставание с бывшей женой, флиртовал с другими студентками и молодыми коллегами. А я... я любила. В первый раз любила по-настоящему. Поражала родителей, уходя в темноту в три часа ночи – просто потому, что физически не могла находиться в нескольких улицах от него. Забыла все, что годами вбивала в меня мама. «Где твоя женская гордость?» – спрашивала она, случайно узнав, что я несколько часов прождала его на лестнице под дверями, а он был дома и просто не открыл мне дверь. Иногда ночевала у него; иногда он брал меня к своим друзьям, на какие-то странные дела, которые тогда вовсе не казались странными... Неважно, где, как, неважно, сколько, – лишь бы быть рядом. Литрами слез и бритвенными порезами на запястье я добилась того, что мы стали жить вместе – точнее, я перестала

уходить домой. Тонкие белые бороздки на обеих руках до сих пор напоминают мне эту историю любви.

Однажды утром я ушла на экзамен – очень рано, чтобы сдать первой и вернуться к нему в постель, пока он спит. План удался. Радостная, с пятеркой в зачетке, примчалась я к нему и попыталась открыть дверь своим ключом. Но дверь не открывалась. Обошла вокруг дома, заглянула в окна первого этажа – сквозь шторы ничего не увидела. Когда вернулась, дверь была открыта; он мылся в душе и сделал вид, что не слышал, как я пришла. Не спросил, сдала или нет. Отодвинув одеяло, я увидела в постели упаковку от презерватива...

Это был мой первый в жизни гнев, первая настоящая гипоксия разочарования. Покорность моя на этом кончилась. Я заплакала, начала собирать учебники и сказала свое первое в жизни: «Все кончено».

Он запер дверь изнутри, а ключи выбросил в окно. Стоял на коленях, целовал мне ноги, бормотал что-то, как мне казалось, бессмысленное: «Это была проститутка, мне был нужен твой гнев, ты слишком покорная, я не понимал, как не хочу тебя потерять, мужчины долго привыкают, но потом, если привыкнут...» Я смотрела на него застывшим взглядом, слушала и не слышала. Не понимала, да и не хотела понимать, как так можно – предать любовь, впустить в нашу постель какую-то грязную женщину...

На четвертые сутки заточения в первый и последний раз в жизни я простила мужчине измену. И не жалела – пусть дальше было еще много слез и боли.

А сейчас? Каждый день есть тот, кто напоминает мне лишь о хорошем из этой сложной истории первой любви. Сын. Красивый парень: темная шевелюра от отца, голубые глаза – мои. Чтобы научить его дышать полной грудью, много лет назад я надела маску: пусть не кислородную – но точно спасительную.

Москва – Копенгаген. Небожитель

Москва – город, где легко потеряться. Но если уж случайно встречаешься с кем-то в Москве – невольно задумываешься, так ли случайна эта встреча.

Регулярный рейс Москва – Копенгаген: по четыре в день летает их из одного Шереметьево. Утренний – не очень удобный, шестичасовой. Раз в несколько месяцев я летаю этим рейсом к своим иностранным партнерам. И в этом полете – все как всегда, только вдруг вместе с уже знакомыми лицами стюардесс за несколько рядов от меня мелькнуло еще одно знакомое... нет, родное – когда-то родное лицо.

Родным оно стало интуитивно, с первого взгляда – еще до того, как шею мою царапнула щетина, до того, как я запустила пальцы в копну серебристо-седых волос, на ощупь куда более мягких, чем казалось издавна.

Познакомились мы на сайте знакомств. Какое-то дурацкое приложение к социальной сети – для тех, кто уже не знакомится на улице, потому что нет времени или есть жена. Стояла в пробке, листала фотографии кандидатов, выбранных по заданным параметрам, – и среди слишком толстых, слишком худых, прыщавых, слишком молодых и почти стариков вдруг увидела его. Кольнуло. Что-то в нем показалось моим – остальное додумала.

Встретились через три дня у метро. Это было уже пятое мое свидание на сайте знакомств, и я готовилась к быстрому разочарованию. Сбросила ему свою геолокацию.

– Ты где? – позвонил он в назначенный час.

– А мы что, уже перешли на «ты»? Я на красненькой машине у входа в метро. Ты на метро?

– За мной езжай.

Повернув голову, я увидела тонированный черный внедорожник. Поехала за ним в ту первую встречу в неизвестном направлении, держась чуть позади, с доверием кролика к удаву – хотя прежде, как говаривали в сердцах некоторые брошенные, на первых свиданиях напоминала помесь акулы с пираньей.

Такой и стала вся дорога наших странных отношений. Полтора года я безуспешно разгадывала этого человека. Не со спокойным интересом психолога – о нет! Это была азартная, болезненная, эмоционально изматывающая игра. Как качели: вверх-вниз, вверх-вниз, сильнее, сильнее, пока низ живота не скрутит судорогой страха. И самой уже красиво не спрыгнуть: либо просить кого-то остановить качели – либо все же решаться на прыжок, зная, что будет боль, грязь и кровь.

Он держал меня на коротком поводке. Сама себе я напоминала майора Каменскую из романов Марининой. Первые полгода не знала даже его фамилию. Он не приглашал меня к себе домой, не рассказывал о вечных делах, из-за которых так редко появлялся у меня в доме. Однако дистанционного внимания мне хватало – даже с избытком. Звонил он каждый час, от заката до рассвета. Приходил ко мне ночевать, по статистике пару раз в неделю, но когда придет – предсказать было невозможно. И я ждала. Вечно ждала. Раз в месяц говорила: «Нет, такой формат отношений мне совершенно не подходит!» – отключала все телефоны, блокировала его аккаунты в соцсетях... Тогда он выслеживал меня около дома. Бросал пару фраз, питавших ту, что никак не могла умереть, – мою надежду, подкидывал дровишек в костер любопытства. «Ты самый родной и близкий мне человек. Я просто берегу тебя. Еще не время. Потерпи, скоро все будет хорошо. Не могу тобой рисковать. Боюсь к тебе привыкнуть – сейчас мне нужно думать о другом». Одной фразой он умел погасить мой бунт и разбудить инстинкт волчицы – тот, что, несмотря на долгую и активную личную жизнь, до сих пор спал во мне крепким сном.

В сравнении с классическим женским пониманием идеального мужчины он был невыносим: грубый, невнимательный, ненадежный, бесперспективный, опасный... Чем меньше говорил, тем больше значения я придавала его словам. Он бросал, например: «Я темный, а ты светлая. Я испорчу тебе жизнь. Сам не уверен, нужно ли тебе это все». Почему-то это казалось безумно романтичным. А что «это все» – я еще долго не понимала.

Иногда мы спорили о высоких материях. Так я узнала, например, что мужской измены в его мире не существует.

– Какая разница, с кем ты спишь? Даже самая вкусная конфета быстро надоедает, потому что у нее один и тот же вкус. Но это неважно. Важны близкие люди.

И мне так хотелось попасть в круг близких для него людей! Он-то в мой ближний круг вошел без труда, вовсе не стремясь и ничего для этого не делая.

Зимой он гонял без правил и ограничений на своем черном джипе, летом на мотоцикле. Меня катал редко – говорил, что я слишком дорога ему, что не хочет мною рисковать. Но если это все-таки случалось – ехал бережно и аккуратно: я прижималась к нему всем телом и чувствовала вкус свободы. Тогда это называлось для меня «мгновения счастья». К этим же мгновениям относились и другие, порой странные для непосвященных вещи: то он брал меня на какую-то ночную встречу, и я несколько часов сидела в машине и его ждала, то полдня в ресторане мы спорили о том, что такое хорошо и что такое плохо... Странное дело: что для меня плохо, для него почему-то всегда оказывалось хорошо.

И все это – на фоне моей работы, прежде безумно для меня важной. Но теперь я отключала телефон и пропадала, чтобы ничто не отвлекало от этих редких, драгоценных встреч с моим загадочным байкером.

Через год он потихоньку начал рассказывать мне о своих делах, делиться своими новостями и советовать. Вскоре уже рассказывал обо всем, что происходит на работе, – но его домашнего адреса я не знала по-прежнему. Чем занимался? В прежние времена таких называли понятным словом «контрабандисты». Возил черную икру и краснокнижных рыб из мест их обитания прямиком на столы сильных мира сего.

На шее у него всегда висел какой-то лоскуток кожи; снимал он его только в ванной. На вопрос, что это, отшучивался:

– От вас, коварных женщин, оберег. Не сниму – не проси. Однажды я уже имел глупость его снять...

Только через полгода и лишь по фамилии я узнала, что отец у него армянин. По внешности было ни за что не догадаться: седые волнистые волосы и голубые глазищи. Со временем я узнала, что в состав рабочей команды его темного бизнеса входят две очень странные сотрудницы – ясновидящие. Одна в Москве, другая где-то в Дагестане. Обе выходили с ним на связь по скайпу по несколько раз в день, предупреждали об опасностях, советовали, как лучше поступить. Поначалу я иронизировала и едко шутила по этому поводу. Обладательница нескольких высших образований, придумавшая собственную управленческую систему, – я не могла принять чужой мир мужчины, которого считала своим.

Но со временем увидела много такого, что совершенно перевернуло мои представления о мире. Меня не занимали, даже почему-то совершенно не смущали его незаконные сделки и серые схемы; но сам метод работы, технология принятия решений не давали покоя – как бы я ни старалась не обращать внимания на все эти предсказания, знаки и странных «специалистов» в его окружении.

Однажды я полетела в Сибирь к родителям. Он спросил, когда вернусь. Обратный билет был у меня на руках, в нем значилось, что в столицу я прилечу через два дня. Мой байкер спокойно и уверенно сказал, что через два дня я не вернусь – меня задержит плохая новость. Я только похихикала: «Опять своих теток слушаешь?» Но, пока летела, в Сибири умерла моя бабушка, и я осталась на похороны.

Об этом разговоре я поначалу забыла. Но через четыре дня он позвонил, спросил, когда я прилечу. Я уже поменяла билет и вылететь собиралась утром. Он ответил, что будет ждать меня в Домодедово через три дня, и повесил трубку. Ночью у меня вдруг поднялась температура и держалась двое суток. Только через три дня на подгибающихся от слабости ногах я шла по Домодедово и думала, что мне надо бежать... от него – и как можно дальше.

Иногда он бросал и другие пророческие фразы. Например: «Ты будешь жить долго. Придет время – и я буду сидеть подле тебя».

Постоянное напряжение, в котором я жила, наконец сильно меня измотало. Начались сердцебиения, я очень похудела и почти перестала спать. Иногда звонила ему и просила приехать, просто чтобы наконец заснуть. Если его не было рядом – уснуть не получалось. Мы с легкостью обменивались словами «люблю тебя», но все яснее я понимала: это что угодно, только не любовь. Правда, он по-прежнему казался мне родным человеком. Это было какое-то безусловное чувство, как у матери к ребенку: не оцениваешь, не критикуешь – и не представляешь, как жить без него. Я ничего о нем не знала – а казалось, всю жизнь смотрела ему в глаза.

Однажды он на два дня пропал. Такое случилось впервые. Часы, а потом и дни без ежечасного перезвона. Ничего, кроме опустошения, я не чувствовала. Приползла на работу, упала в свое мягкое, уже отвыкшее от меня кресло. Сил работать не было. Секретарь, год молча наблюдавшая за превращением акулы в водоросль, предложила сходить вместе с ней к одному человеку, который мне поможет.

Я догадалась, о ком она говорит. Все женщины в офисе уже побывали в гостях у нашей необычной соседки, пару месяцев назад по дружбе с гендиректором поселившейся в нашем здании. Количество паломников в очереди перед ее кабинетом всегда меня удивляло. Помню, думала еще: похоже, в моей рациональной жизни началась какая-то мистическая полоса. Соседка, на вид вполне обычная ухоженная брюнетка лет сорока, была победительницей «Битвы экстрасенсов». Ни одной программы до знакомства я не видела. Пару раз я с ней сталкивалась в туалете, коротко и холодно здоровалась – тем и ограничивалось наше знакомство. Моя секретарь сильно с ней подружилась и регулярно пыталась рассказать мне о творимых ею чудесах – но все такие попытки я, к ее разочарованию, пресекала на второй фразе.

«Яснознающая», как она сама себя называла, соседка и была тем «одним человеком», который, по мнению моей ассистентки, только и мог мне помочь.

После бессонных ночей сопротивляться не было сил. Я вошла к ней в кабинет. Почему-то сразу из глаз покатились слезы; впрочем, это не помешало мне осмотреться по сторонам. Никаких атрибутов магии – только розы в вазах и других подручных сосудах, много роз, свежих и уже увядающих. Волшебница сидела за огромным дорогим офисным столом, раскачиваясь в кресле; перед ней лежали в ряд несколько дорогих телефонов – последние модели в ярких чехлах со стразами.

– Что случилось? – равнодушно спросила она.

На попытку залезть мне в душу это точно не походило.

– Связалась с мужчиной, в штате у которого работает парочка ваших коллег. Я совершенно измотана и не знаю, что делать дальше.

– Когда ты зашла ко мне, сначала зашли твои мозги, а потом ты сама. На человека с испорченной аурой ты точно не похожа. Все у тебя хорошо. И деньги будут, и страны другие... Фотографию его покажи.

Я открыла галерею на телефоне и нашла то самое фото с сайта знакомств.

– Хорошо его охраняют, хорошие серьезные люди. Он живет в своем мире, нечего тебе в нем делать. Твои личные окна заканчиваются, а с ним ты теряешь очередное свое окно. Иди поспи.

Я уснула прямо на диване в собственной приемной. Секретарь Катюша прикрыла меня пледиком из автомобиля и всем велела не беспокоить.

Проснулась я глубоким вечером, когда в офисе уже никого не было. Села за стол, включила ноутбук. Первым делом выскочил Facebook с оповещением, что мой пропавший возлюбленный лайкнул парочку моих старых фотографий.

Впервые за последний год я начала думать ясно и четко. Выстроила план действий. Набрала по внутренней связи начальника нашей службы безопасности – немолодого мужчину, у которого погоны были словно пришиты к плечам. Бывших сотрудников спецслужб, как известно, не бывает; этот бывший майор принес с собой в нашу компанию молчание шпиона, преданность овчарки и спокойствие исполина. Я чувствовала, что могу положиться на Михалыча еще и потому, что он любит меня, как отец, – хоть своих чувств он никогда не показывал.

– Мне нужно знать об этом человеке все. – И второй раз за сутки я показала фотографию с сайта знакомств.

– Не поздновато? Года полтора ведь уже в поле зрения мельтешит... Сделаю, иди домой. Позвоню, как новости будут.

Через три часа мы с Михалычем сидели в «Чайхоне» на Пушкинской за чаем с чабрецом, и я слушала отчет... нет, скорее криминальное досье на своего байкера. Отец – известный вор в законе, отошедший от дел, с огромным послужным списком: группировки, переделы, приводы... Сами эти слова казались совершенно чуждыми, словно пересказ какой-нибудь серии «Ментовских войн». Михалыч рассказывал все это очень холодно и спокойно, прихлебывая чай. И этот рассказ подходил ему куда больше, чем ежемесячные авансовые отчеты на совещаниях.

– Тебя, кажется, все это не очень-то удивляет? Вот это меня беспокоит особенно. Он из тебя жилетку сделал – а теперь ты, так сказать, опасный свидетель. Схемы-то, поди, тоже все знаешь? Эх, девочки вы, девочки. Какие бы умные ни были – такие дуры... А вот тебе на десерт переписка из чата Facebook. Думаю, все тридцать шесть листов тебе читать не стоит. Не лучшее чтиво на ночь. Если в кратком пересказе, то четыре бабы, кроме тебя, лет пять уже. Ты самая новенькая. Ну, если это тебя утешит, самая любимая, что ли. По частоте обращений, так сказать, вывод сделал... Вопросы есть?

– Спасибо, Михалыч, – пробормотала я, отчаянно соля свой чай слезами.

Майор правильно понял: сообщение про «баб» ранило меня куда сильнее всех криминальных подвигов моего байкера.

С моего согласия Михалыч заблокировал «абонента» со всех сторон, на весь следующий месяц поставил у моего подъезда дежурную машину. Преследования, слава богу, ограничились лишь звонками с разных телефонов – да еще регулярно появлялись курьеры с цветами.

Прошло несколько месяцев. Жизнь налаживалась, у меня появился «ухажер», как говорила моя бабуля. На выходные поехала в Питер на свидание с ним. «Сапсан» прибыл на Московский вокзал, я стояла и ждала, пока откроется дверь. На первой линии перрона стоял парень с букетом роз, предназначенных для меня. В этот самый миг пиликнул телефон – пришла СМС-ка. Я оторвала взгляд от улыбающегося петербуржца – и прочитала: «Это не твой человек. Мимолетный романчик в крайнем случае». Абонент был неизвестен моему телефону, но хорошо известен мне...

И вот я стою в очереди в туалет на высоте полутора тысяч метров – и тут, в этом месте пересечения судеб, моя судьба вновь сталкивает меня с человеком, чье появление в моей жизни так и не объяснила. Если уж случай так настойчиво толкает меня к этому человеку... что ж, пусть попробует еще раз. Я развернулась и отправилась в другой туалет, в носовой части.

У меня получилось остаться незамеченной и затеряться в аэропорту Копенгагена. Люблю романтические комедии, иногда не против мелодрамы, но стать главной героиней мистического детектива – это для меня уж слишком.

Москва – Сплит. Море внутри

Спросила себя о последнем желании – и первой пришла мысль: услышать шум моря. Разумеется, Он мое желание исполнил: сразу, не дожидаясь результатов биопсии. Купил с телефона два билета на ближайший рейс в первую же попавшуюся страну, где есть море, – и через два часа мы уже были в аэропорту и ждали посадку Москва – Сплит. Интересно, почему рулетка судьбы отправила меня именно в Хорватию? В прошлый раз я была здесь одиннадцать лет назад, со вторым мужем и трехлетним тогда сыном. Тогда-то я поняла, что ошиблась в выборе спутника – и в путешествии, и в собственной жизни. Вся неделя отпуска прошла под новый концерт Земфиры в наушниках; никакого шума моря я не слышала – как не слышала и собственного сердца.

Первый раз я оказалась на море в «несезон», когда ветрено и временами дождливо. Но мне и не нужна сейчас солнечная лазурь и прогретый песок меж пальцев. Только шум моря, только его древняя и мощная жизнь.

Странно, что этого захотелось именно сейчас...

В моей жизни это не первое испытание диагнозом. Несколько лет назад уже находили опухоль, тогда она оказалась доброкачественной. Но – тот же двадцать один день ожидания. Слезы, депрессия, прозрение – все по сценарию тех трех недель. Тогда я ушла наконец от мужа, сменила работу, переехала в другой город. Стала другим человеком. Помню, список того, чего я в жизни не успела и что хотела бы изменить, не помещался в голове. То я рыдала в голос, то холодно, логично планировала перемены... И вот теперь, несколько лет спустя, испытание повторяется. Взяли биопсию – и жди двадцать один день, вынесут тебе приговор или снова отложат на неопределенный срок.

А я просто захотела услышать шум моря.

Раньше он не был для меня самостоятельной ценностью – скорее фоном для детского смеха и игр, для романтических прогулок на отдыхе теплым вечером после бутылки вина. Но теперь мне вдруг захотелось заполнить этим шумом весь свой мир, чтобы заглушить им неотвязные мысли.

Как хорошо, что в жизни еще есть место чуду! Еще пять часов назад я сидела в машине на Садовом кольце, с пластырем на шее и тупой болью от манипуляций онколога; а сейчас, завернувшись в гостиничный колючий, но очень теплый плед, сижу на одиноком сломанном пляжном лежаке, и мне хорошо и спокойно.

Его я попросила оставить меня одну. Согласился он не сразу. Боковым зрением вижу его – вон сидит на террасе прибрежного кафе. Мы уже год вместе, но, пожалуй, это первое НАШЕ серьезное испытание. Правда, пока оно не кажется мне серьезным: все как-то очень легко и естественно. Весь полет мы молчали и держались за руки; иногда он сжимал мне руку чуть сильнее – быть может, вспоминал, по какой такой причине мы оказались в самолете посреди недели в строгих офисных костюмах. Иногда оборачивался и чмокал меня в лоб. Как родитель, что, проходя мимо ребенка, всякий раз старается напомнить ему, что любит. Сейчас он кажется непринужденным; внутреннее напряжение выдает лишь нога, отстукивающая какой-то неслышимый ритм. Приглядывает за мной. Должно быть, еще не очень понимает, чего от меня ждать. Да и чего вообще ожидать от человека в такой ситуации?

А мне не грустно, не тоскливо, не страшно, не жаль себя, как он, может быть, думает. Мне по-настоящему хорошо – потому что на этот раз я ничего не хочу менять и в голове нет никакого списка. Уже несколько лет, с того самого испытания, я ценю каждый день и живу сегодня так, словно никакого завтра не будет. И всю любовь, что порождает мое «я», стараюсь просто отдавать, никого не воспитывая, никем не манипулируя.

Сейчас мне нужен только шум моря. Все когда-нибудь закончится, а он останется. Он был до меня и будет после меня, его будут слушать мои дети и дети моих детей. Хочу запомнить ритм этих разбивающихся о берег волн. Они звучат так спокойно, так умиротворенно – в унисон с моим сердцем. И, кажется, на этом лежаке хватит места для двоих...

Москва – Новосибирск. Небесные связи

– Пойдем на концерт в субботу?

У меня все хорошо. И это не аутотренинг. По настоящему ВСЕ ХОРОШО. Но почему я, почти не раздумывая, ответила «пойдем»? Ведь это значит врать – врать любимому человеку, тому самому, с которым «все хорошо»...

Три года прошло после нашего болезненного... нет, почти смертельного расставания. Мы блокировали номера, страницы, стирали файлы и память, удаляли фотографии, выводили пятна любви с одежды и из сердца. Через год у нас получилось. Он – хороший семьянин, а я окончательно выписалась из клиники неврозов. Через два года я – счастливая невеста надежного, перспективного, ХОРОШЕГО парня. Идеальные профили в соцсетях: дети, театры, карьеры, квартиры. А через три – его: «Пойдем на концерт в субботу?» и мое: «Пойдем». Интересно, что за концерт может быть после всемирного потопа?

И я вру.

– У тебя ведь в субботу тренировка? У меня оплачена лекция по современному искусству в 19.00. Как думаешь, сходить? Ты же не променяешь системный подход на Малевича? Придется одной идти... Или, может, не ходить?

– Конечно, сходи. Развеешься.

Мне жутко от мысли, что я вру, – но выходит как-то очень естественно, непринужденно, небрежно даже. Только чувствую легкий жар в лице – кровь приливает к щекам. В голове стучит слово из киношных детективов: «Преднамеренное». Например, преднамеренное убийство. Значит, не случайное, не в состоянии аффекта, а холодно и цинично продуманное во всех деталях. На суде преднамеренность – отягчающее обстоятельство. Если тебя раскроют.

Надеваю нарядное платье, туфли на каблуках. Кажется, он непременно должен заметить, что для лекции по современному искусству платье слишком короткое, чулки в начале зимы неуместны, а уж каблуки на льду ради какого-то Малевича или Кандинского, давным-давно покойного, – и вовсе абсурд.

– Ну все, я пошла. Скоро буду.

Выхожу из подъезда, отключаю мобильный и думаю, что впереди у меня три часа. Сто восемьдесят минут на другую жизнь. Это очень много. Еще не понимаю, куда иду – в прошлое, в будущее, а может, просто в никуда? Все равно! Хочется не просто идти – бежать вприпрыжку; и плевать на последствия. Немного страшно, но и жутко любопытно, как же я-другаяотреагирую на него-другого. Так сильно бьется сердце – как всегда перед встречей с ним. Думала, прошло, но нет; видно, память сердечной мышцы сильнее памяти рассудка.

Захожу в кафе, где мы договорились встретиться. Его нет. Оглядываюсь по сторонам – не вижу. Он что, не пришел?! Это шутка такая?! Нет, совсем на него не похоже – он вообще редко шутил... Хватаюсь за выключенный телефон – но вдруг ощущаю темечком пронзительное тепло. Поднимаю взгляд. Ну конечно! На своем любимом наблюдательном пункте – сверху, в тени! Взбегаю по ступеням, словно школьница, опаздывающая на урок. Формальные, светские, немного манерные: «Привет!» – «Привет!» Никак не могу снять с себя шубу на трех пуговицах, он пытается помочь, но тоже как-то неловко...

– Знаешь, я перестал пить вино. И вообще стал совсем скучным. Ты выпьешь?

– Да... Но что за странное, внезапное решение? Что-то случилось? Что изменилось в твоей налаженной жизни?

– Допустим, просто захотелось получить эстетическое наслаждение от музыки. Нет такого варианта?

– Нет.

Полчаса разговора ни о чем. Ничего важного, ничего звучного, ничего болезненного. Только стук сердца, заглушающий все. И обрывки фраз, возрождающие во мне что-то давно забытое – казалось, прочно похороненное под рутинной «партнерских отношений» и бременем какой-то вечной ответственности...

– Мне кажется, или все мужчины вокруг смотрят на тебя?.. Коленочки не замерзли?.. Голова кружится от твоего запаха... Разве бывают такие красивые девочки?.. Не верю своему сегодняшнему счастью...

– Я уже и забыла, насколько я ЖЕНЩИНА с тобой...

Странный выбор мероприятия: концерт органной музыки в протестантской церкви. Он же не верит в Бога! Точнее, не верил, когда я его знала. В его мире была лишь Вселенная, а в небо он позволял себе смотреть в качестве награды за личные достижения. И постоянно грешил. Точнее, мы грешили. Прелюбодействовали целых девять месяцев. «Прелюбодеяние» – кажется, так называют в Библии отношения женатых людей? А в светском словаре для этого есть слово «измена». И все же это было божественно. Да, именно божественно – для меня, верующей. Во мне жила любовь, каждый день и каждый час. Себе мы точно не изменяли – а о других просто не помнили. Не все в нашей жизни зависит от нас – и это был как раз такой случай.

Мы ведь и сейчас, наверное, грешим. Или просто «эстетически наслаждаемся музыкой»? Садимся на церковную скамью, как в американских фильмах в сценах венчания или похорон. По привычке прячущихся любовников выбираем последний ряд и место сбоку. Звучит Бах – и я медленно беру его под руку, кладу голову ему на плечо. Со стороны это все еще может казаться обыденностью, дружеской позой давно знакомых людей. Несколько композиций мы сидим, не шевелясь. Сердцебиение утихло, музыка проникает под кожу и все-таки доходит до сознания. Я не готова была даже слышать ее – музыка сегодня не в центре событий, она стала лишь формальным поводом... Но вдруг меня накрыло. За Бахом последовал Вивальди; и я не заметила, когда он начал гладить мою руку. Очень аккуратно, ненавязчиво, нежно. Лишь между композициями, в тишине, я уловила это ощущение – тихое, ласковое тепло чужой руки. Неритмичное, непредсказуемое, словно ноты великих шедевров: обыватель без музыкального образования, вроде меня, не в силах понять, почему так построена, так развивается эта мелодия, – музыка просто проникает в тебя и в тебе живет. Мои рука и сердце сейчас тоже живут сами по себе, отдельной от меня жизнью. Пальцы поддаются каждому его движению, ладонь раскрывается и снова сжимается, страшаась, что это чужое тепло вдруг ее покинет. Кончики пальцев превратились в эрогенные зоны, кажется, я чувствую каждый их миллиметр...

Орган затих. Я открываю глаза, поднимаю голову с его плеча – и понимаю вдруг, что за эти пятьдесят пять минут мы не произнесли ни слова, но сказали друг другу так много. Времени не было, оно остановилось. Если Бог и вправду есть любовь – то, что происходило между нами, нельзя назвать грехом. Мы просто прожили еще одну прекрасную жизнь.

Выходим, садимся в машину – «автомобиль Джеймса Бонда», такой же прекрасный, как его хозяин. Мчимся по Садовому кольцу. По его вздоху я понимаю: оба мы сейчас жалеем о чем-то для нормального человека безумном – о том, что автомобиль его не умеет ездить медленно и поздним субботним вечером на Садовом совсем нет пробок. В этот вечер наше ощущение времени совсем не совпадает с циферблатом его швейцарских часов.

Он никогда не любил долгих расставаний – и я не забыла его привычек. За пару пере-кестков, увидев шпиль собственного дома, из осторожности я выхожу из машины – и он сры-вается с места и мчится прочь, в какие-то доли секунды исчезает за поворотом, словно ничего и не было. А точно ли что-то было?

Ловя губами первые снежинки, ломая каблуками первый, едва схватившийся на лужах лед, я медленно возвращаюсь в свою прежнюю жизнь. Сейчас включу телефон – и писк эсэм-эсок и неотвеченных вызовов окончательно вернет меня к старому, привычному...

– Девушка, просыпайтесь! Пристегните ремень, мы снижаемся...

Москва – Хабаровск. Какая глупая игра – любить неведомо кого...

В полете не работают средства связи. Есть время почистить их электронную память, оставив в человеческой только то, что отзовется при прочтении мегабайт слов.

Сентябрь 2015

Роберт: В каких ты сегодня трусиках?

*Удалить сообщение. Заблокировать пользователя.
Загрузить архив сообщений?*

Февраль 2013

Наташа: Мне нравится твое имя. Наверное, твоя мама, как только увидела тебя, уже знала, что красавцем вырастешь. Женщинам наверняка приятно в постели тебе на ушко шептать «Роберт».

Роберт: Сажу на правлении. Скучное занятие... Ты часто плакала, когда была замужем первый раз? В школе я был некрасивым и толстым. К шестому классу все неожиданно изменилось, изменился я, и бурный интерес со стороны девушек с тех пор преследует меня... Но я не жалею и стойко переношу это -). Кажется, у меня только и интересов осталось в жизни – читать твои сообщения и ждать новые.

Наташа: А у меня писать их тебе)

Роберт: У вас уже поздно. Наверное, в доме у тебя тишина, которую ты так любишь. Представляю, как ты сейчас выйдешь из ванной, теплая, вкусно пахнущая. Тихо подойдешь к кровати, ляжешь на живот и обнимешь подушку. Ты спишь раздетая? Есть несколько минут до совещания. Подошел к окну, открыл его. Стою в потоке холодного воздуха, смотрю на Москву. У меня замечательный вид из окна – cozier room, окна от пола до потолка, я специально ничем их не завешиваю, чтобы видеть рассветы и закаты... Приезжающие иностранцы завидуют, говорят, по их меркам, это круто – cozier room. Как-то я отказался от одного предложения о работе – сказал хантеру, что у меня слишком хороший вид из окна -) ... Стало холодно. Пойду разгрести e-mail-ы.

Март 2013

Наташа: Хочу знать о тебе больше. Интересно, какой ты на вкус и запах, мягкие ли у тебя волосы? Какого оттенка твои глаза, когда в лицо светит солнышко? Хочу знать, какой ты, когда тебе хорошо – и когда очень хорошо...

Роберт: Доброе утро, девушка моей мечты! И тебя с Весной! По утрам все светлее. Уже видно отражение деревьев в нашем стеклянном бизнес-центре. Скоро, подъезжая, можно будет видеть отражающиеся в окнах облака. Помню, как я был поражен этой картиной, когда прошедшим летом оторвал взгляд от планшета и увидел из затемненного окна автомобиля сумасшедшую голубизну неба и облака в огромном стеклянном панно передо мной. Скоро вновь появятся потрясающие закаты в окнах кабинета, каждый день новые. А обо мне... Что ты хочешь знать обо мне? По мере развития самосознания и цивилизации привычки, которые

раньше считались вредными, больше такими не кажутся. Например, употребление спиртного. Моя мама теряет дар речи, когда узнает, что я выпил или собираюсь выпить. Но друзья-французы привили мне привычку не садиться за стол без вина, и когда я приезжаю к родителям, мне нелегко даются семейные трезвые ужины. Курение – курю с 14 лет, но никогда не делаю этого дома или в машине (не люблю запах, который потом остается). У меня нет сильной зависимости, бывают периоды, когда курю много, бывают, когда месяцами не тянет. На журнальном столике рядом с диваном в моем кабинете пачка сигарет лежит нетронутой уже несколько месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.